

Голубой цвѣтокъ

(Лекція Вячеслава Иванова 23 ноября)

"Аполлонъ", No 3, 1909

OCR Бычков М. Н.

Иногда вдругъ вспоминается одно имя, одно слово изъ прошедшихъ вѣковъ, и сначала смутно, а потомъ все яснѣе и яснѣе начинаешь понимать, что именно это слово, это имя являются для насъ очень нужными, очень близкими. Романтиковъ томила память о "Голубомъ Цвѣткѣ", какъ о чемъ-то желанномъ, несбыточномъ и прекрасномъ. Не наступило ли для насъ уже время томиться той же мечтой, что уже увлекала поэтовъ и мудрецовъ столѣтіе тому назадъ?

У Шпильгагена найдемъ мы слова о "Голубомъ Цвѣткѣ" приблизительно такія: "Синій цвѣтокъ никто никогда не видѣлъ, но имъ благоухаетъ вся земля, которую глупые люди воспѣваютъ въ стихахъ и прозѣ, а тысячи мечтаютъ о томъ же молча".

Но не только красивая томная печаль о невозможномъ, печаль, послужившая могучимъ стимуломъ для творчества многихъ, -- "Голубой Цвѣтокъ" у Новалиса. Для него это уже точный мистическій символъ, скрывающій за собой цѣлую религіозную систему. Въ вѣкахъ теряется происхождение этого символа, но у всѣхъ позднѣйшихъ мистиковъ встрѣчаемъ мы голубой цвѣтъ, какъ символъ Души міра, имѣющій свой корень въ мистическомъ опытѣ (это доказывается многими мѣстами изъ поэзіи Влад. Соловьева, особенно Трѣмъ Свиданіями).

Культь Міровой Души, понятый какъ Вѣчная Женственность, характеренъ и для современныхъ поэтовъ. Даже отъ религіозныхъ переживаній возникаетъ этотъ образъ, окрашенный религіознымъ свѣтомъ (Альдонса и Дульцинея Сологуба). Какъ же не вспомнить намъ о Новалисѣ, который упредилъ Гете и на рыцарскомъ шлемѣ поэта носить только голубые цвѣта своей Вѣчной Дамы?

Святая Дѣва-Марія покровительствовала поэзіи среднихъ вѣковъ, но Ренесансъ, провозгласившій индивидуализмъ, суровая реформація измѣнили мадоннѣ, забывая, что идея Вѣчной Женственности является необходимымъ условіемъ для расцвѣта лирической поэзіи и несетъ желанный синтезъ между христианствомъ и красотой.

Новалисъ долженъ быть дорогъ намъ, какъ первый предтеча послѣдняго проникновенія въ тайну Міровой Души. Въ немъ первая возможность новаго христіанскаго поэта, вѣрнаго Дѣву и Святому Духу. Но въ немъ должны мы чтить не только носителя великой идеи, но и одного изъ крупнѣйшихъ поэтовъ. Гете сказалъ про него: "Онъ не былъ императоромъ, но могъ бы имъ быть". Этими словами Гете почтилъ въ немъ младенческую ясность вдохновенія, соединенную съ ясностью и глубиной гениальнаго мыслителя. Самая жизнь Новалиса, изъ которой романтики создали сладостную легенду-житіе, своей свѣтлой гармоніей со всѣмъ его творчествомъ, звенитъ какъ тихое журчаніе ручья.

Дѣтство съ глухимъ романтическимъ замкомъ; веселый дѣтскій нравъ; любовь къ Софіи фонъ-Кюние, полудѣтская любовь къ веселой дѣвчкѣ, кончившаяся смертью Софіи на 14 году ея жизни. .

Послѣ смерти невѣсты его свѣтлая печаль, съ которой онъ жилъ еще четыре года, твердо сказавъ себѣ, что онъ умретъ не отъ яда или пули, а отъ твердаго желанія не жить,-- сонъ въ одно ясное утро подъ музыку въ сосѣдней комнатѣ, перешедшій въ смерть, -- любовь къ Софіи, къ той умершей дѣвчкѣ, -- въ послѣдніе годы его жизни переходитъ въ живую любовь къ Софіи-Мудрости, соединенной въ вѣчный бракъ съ Христомъ. И для Новалиса это пророчество апокалипсиса о женѣ, облеченной въ солнцѣ, является совершенно возможнымъ и близкимъ: это пришествіе третьяго царства въ душахъ людей.

Свое міросозерцаніе Новалисъ называетъ "магическимъ" идеализмомъ, которое своеобразно преломляется съ мистическимъ реализмомъ. Когда Вячеславъ Ивановъ читалъ духовные стихи и "гимны къ ночи" въ своихъ достигающихъ высшей степени перевоплощенія одного поэта въ тайну творчества другого переводахъ, казалось, что уже съ нами этотъ странный, быть можетъ, не всѣмъ понятный юноша, почти мальчикъ, съ блѣднымъ лицомъ, съ опускающимися на лобъ волосами, съ нѣжными губами, съ привѣтливымъ и печальнымъ взглядомъ. И расцвѣталъ таинственный "Голубой Цвѣтокъ" въ этихъ неожиданныхъ вдохновенно-импровизованныхъ словахъ о потерянномъ въ Столѣтіяхъ и вновь найденномъ, нужномъ и близкомъ намъ Новалисѣ.

Сергѣй Ауслендеръ.